

Константин ПАУСТОВСКИЙ

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

В архиве К. Г. Паустовского, в тетради, в которую он лично вклеивал свои первые печатные труды, хранится вырезка из киевского журнала «Театр» (1919 г.), в котором неведомый еще тогда будущий писатель, видимо, работал литературным секретарем... Эта статья и была как замечает автор публикации Ю. А. Красовский, его первой «духовной» встречей с А. М. Горьким, о котором Паустовский позже писал: «Для меня в Горьком — вся Россия».

СТАРИННЫЙ персидский поэт Саади, чьи песни до сих пор овеяны неумирающей своеобразной прелестью, писал о себе в «Тезкирате»: «Тридцать лет я употребил на скитания. Я коротал дни с людьми всех народов и грелся у многих костров. Я видел частицу великой красоты, наполняющей вселенную. Тридцать лет я употребил на учение и последние тридцать лет — на творчество. Счастлив тот, кто, прожив такую жизнь, оставил потомкам чекан души своей».

Эти слова «сладчайшего» Саади словно сказаны о

Горьком, беспокойном скитальце, жаждавшем познавать и созидать. Ибо Горький оставил нам не только силу и свежесть всего им написанного. Он оставил нам — «чекан души своей» — может быть, самое прекрасное из своих творений — свою необычную жизнь. Жизнь поистине гениальную, полную тяжкого труда над собой, когда из первичного бульжника, из дикой и вязкой волжской глины интуитивно, непрестанно и трудно созидался прекрасный слепок, тонкий чекан...

Скитальчеством именно в этом смысле болен Горький. ...От желтых размывов

Волги, от синего марева за-симбирских степей, от пестрых, как татарские тюбетейки, астраханских базаров он уходил к белой Мекке — московскому Кремлю, к дикой запущенной снегом глуши Арзамасов, Алатырей, к пьяным и искристым портам, где шумят прибой вечно родного, в криках чаек и соленых ветрах, Черного моря.

От парходных кухонь, от тифлиских майданов и маленьких, провинциальных редакций он уходил в литературные салоны Москвы, в тюрьмы, в уютный кабинет задумчивого Чехова. После пожара пятого года

были скитания по Западу — угрюмыми дымами и озерами мертвых огней глядел ему в лицо «город желтого дьявола» — Нью-Йорк и великим покоем встречал Рим, где во дворе остерий по позеленевшему мрамору звенит холодная вода древних источников. А потом прибой и рыбацьи песни на Капри.

Из Италии — снова в Россию, грозную, торжественную, грядущую великим народным подъемом. Солнечное плесканье красных знамен над Тайницкой башней, марсельеза, винтовки, суровые лица. Великий

сдвиг, когда из душных углов вышла на улицы бескровная, истомившаяся, надсадившая грудь за станками Россия. И думается мне, что выше всего, созданного Горьким, — его жизнь. А много ли мы знаем исключительных в своем творчестве людей, которые создали бы исключительную и волнующую жизнь?! Их почти нет. Ибо творить прекрасное и жить в вечном скитании, каждый день в новом, в ином, в затягивающем — так трудно, почти невозможно и под силу только большому человеку с большой душой,